

Шэнь Цинжань со сдержанным видом взял простую паровую булочку, но его взгляд то и дело возвращался к изысканным пирожным с цветами абрикоса.

Сейчас он чувствовал себя батраком в доме помещика: весь в долгах, вынужденный возделывать землю, чтобы расплатиться. И хотя «помещик» был добросердечным и приветливым, Шэнь Цинжань считал, что должен четко осознавать свое положение батрака.

Нельзя питаться слишком хорошо, иначе долг будет только расти, и рано или поздно придется подписать купчую на самого себя.

Шэнь Цинжань еще раз взглянул на пирожное... А вообще, продать себя Сюэ Фэйфэну, кажется, не такая уж плохая идея? Вряд ли тот станет его как-то притеснять!

Сюэ Фэйфэн заметил, что Шэнь Цинжаню больше приглянулись сладости на тарелке. Эта отчужденность заставила его нахмуриться: он выхватил булочку из рук Шэнь Цинжаня, тут же сунул ее себе в рот, а в его освободившиеся руки вложил по нежному бледно-желтому пирожному.

Как мог кредитор есть надкусанную им булочку?! Обе руки Шэнь Цинжаня были заняты выпечкой, и от волнения он вскинул подбородок, пытаясь перехватить булочку зубами, но, словно промахнувшийся слепой щенок, случайно укусил Сюэ Фэйфэна за нижнюю челюсть.

Шэнь Цинжань замер и нервно сглотнул. Из-за сильной паники звук сглатывания громко отдался в ушах, и Сюэ Фэйфэн тоже его услышал.

«...» Больше всего Сюэ Фэйфэн сейчас жалел о том, что у него во рту торчит булочка: выплюнуть нельзя, быстро проглотить тоже не выйдет, на словах не пофлиртовать, да и не поцеловать в ответ прямо так.

И все-таки привычка заглатывать полбулочки за раз ни к чему хорошему не приводит. Сюэ Фэйфэн сделал себе мысленную пометку, протянул руку и с силой ущипнул Шэнь Цинжаня за щеку, оставив на ней два алых следа.

— Я... я проголодался, — пробормотал Шэнь Цинжань себе под нос, опустил голову и откусил маленький кусочек от ароматного пирожного. Затем он протянул руку и вытер слюну с лица Сюэ Фэйфэна: — Я не специально тебя укусил.

Сюэ Фэйфэн с досадой жевал булочку.

Больше он в эту харчевню ни ногой: тесто слишком толстое и тягучее. Когда он наконец проглотил кусок, Шэнь Цинжань уже с нарочито серьезным видом уплетал еду, не сводя глаз с пирожных, словно всем своим видом показывая, что любые разговоры сейчас будут неуместны.

Генерал мог лишь сокрушенно вздохнуть.

После того как Сюэ Фэйфэн поухаживал за Шэнь Цинжанем во время трапезы, он трижды подряд спросил: «Может, съешь еще немного?»

Шэнь Цинжань со страхом и трепетом взял еще одну булочку с мясом. На самом деле он уже наелся, но Сюэ Фэйфэн выглядел таким недовольным, словно отказаться от лишнего куса было преступлением.

Откусив кусочек, он понял, что больше в него не влезет. Когда живот полон, есть — это тоже

тяжелый труд, знаете ли? Тут Шэнь Цинжаня осенило, и он поднес булочку прямо к губам Сюэ Фэйфэна:

— Ешь ты.

Шэнь Цинжань посмотрел на него заискивающим взглядом, и в его часто моргающих глазах отражался только Сюэ Фэйфэн.

Сюэ Фэйфэн не смог отказаться — съел одну, затем другую.

А затем уже Шэнь Цинжань трижды подряд спросил: «Может, съешь еще немного?», чем изрядно разозлил Сюэ Фэйфэна. И вправду, этот маленький обманщик ничего хорошего не замышлял.

Деревня Лицзяцунь была отрезана от внешнего мира и поэтому намного безопаснее. Сюэ Фэйфэн приказал своим людям постоянно дежурить у выхода с горной тропы: если появлялся кто-то подозрительный, его тут же хватали и допрашивали. Людям Сюэ Фэйфэна ни за что не позволят сделать и шагу в деревню Лицзяцунь.

Они приехали на ослиной повозке, поэтому на обратном пути могли закупиться по-крупному. Раз уж «жена» внезапно превратилась в мужчину, то и одежду нужно было покупать заново.

Вчера Сюэ Фэйфэн уже один раз переодевал Шэнь Цинжаня. Хотя он и не осмелился рассматривать его внимательно, а уж тем более трогать, но образ нежного хрупкого тела и белоснежной кожи никак не шел у него из головы; стоило лишь вспомнить, как сдерживаться становилось все труднее.

Сюэ Фэйфэн сжал кулаки и потащил Шэнь Цинжаня в лавку готового платья. Даже лучшие шелка в Поднебесной не были достойны Шэнь Цинжаня, поэтому Сюэ Фэйфэн, хмурясь, придирчиво оценивал качество пошива и тканей в магазине.

Глушь, здесь не сыскать даже куска приличного облачного шелка.

Шэнь Цинжаню вдруг пришло в голову, что Сюэ Фэйфэн сейчас до боли напоминал его родную мать из рассказов отца, которая выбирала одежду для годовалого Цинжаня и браковала один бренд за другим. Боясь лишних трат, он потянул Сюэ Фэйфэна за рукав:

— Мне не нужно.

Сюэ Фэйфэн:

— Даже ты считаешь, что это никуда не годится. Но если не купить, что же ты будешь носить?

Лицо владельца лавки позеленело: эти двое явно пришли испортить ему торговлю.

Шэнь Цинжань:

— Нет, я не... Я буду носить твою одежду, твои старые ненужные вещи, не трать деньги впустую.

В горле у Сюэ Фэйфэна пересохло. Его одежда... Если Шэнь Цинжань каждый раз после купания будет надевать его вещи — с широкими рукавами, из-под которых при малейшем движении покажется белоснежная рука, со сползающим с плеча воротом, обнажающим изящные ключицы. Подол будет слишком длинным, волочиться по полу... Лучше вообще не

позволять ему ходить, а сразу нести на руках до самой кровати, чтобы он не споткнулся.

— Нет, — Сюэ Фэйфэн обуздал свои фантазии. Будь они в его столичном поместье, он бы с радостью отдал Шэнь Цинжаню свои парчовые халаты, которые носил до походов. Но здесь, в деревне Лицзяцунь, вся его одежда была из грубой темной ткани. Сам-то он мог такое носить, но Шэнь Цинжаню категорически нельзя было надевать столь жесткие вещи — они сотрут его кожу до красноты.

Шэнь Цинжань беспомощно наблюдал, как Сюэ Фэйфэн просит завернуть больше десятка нарядов, а в его голове сумма долга обновлялась с такой скоростью, что перед глазами все поплыло.

— Вот эту не надо, она слишком толстая.

Толстая, подбитая двумя слоями хлопка — значит, дорогая.

Сюэ Фэйфэн с серьезным видом кивнул:

— Да, эта одежда толще той, что ты носил раньше. Не переживай, что ее будет трудно стирать. Будет трудно — просто выбросим.

Шэнь Цинжань: «Да разве я об этом переживаю?! У меня сердце за деньги болит!»

Теперь он уже не стал бы по-дурацки допытываться, откуда у Сюэ Фэйфэна деньги. Любому зрячему было очевидно, насколько обширны его связи: он даже знаком с людьми из Охранного бюро «Тянься», парой фраз заставил управляющего отправить повара Чжана на гору Хуго, да так, что управляющий еще и рассыпался в благодарностях.

И то верно, такой выдающийся человек, как Сюэ Фэйфэн, просто по определению не мог быть бедным.

Шэнь Цинжань невольно заподозрил: а не пытается ли Сюэ Фэйфэн вогнать его в такие долги, чтобы он всю жизнь батрачил и не смог расплатиться, тем самым мстя за «превращение жены в мужчину»?

Затем Сюэ Фэйфэн накопил еды, мешок за мешком груза ее в ослиную повозку.

Шэнь Цинжань предпринял попытку спастись от долгов:

— Но мы же столько не съедим!

Сюэ Фэйфэн кивком указал на стаю собак:

— Им тоже надо что-то есть.

Сюэ Фэйфэн недобрым взглядом окинул двух похожих на волков маламутов — главных виновников их с Шэнь Цинжанем недавней ссоры. Хм, этим двоим лучше бы стать вегетарианцами.

Маламут заискивающе потерся о ногу Сюэ Фэйфэна. Гав.

...

Возвращение Шэнь Цинжана вызвало в деревне Лицзяцунь небольшой переполох. В первый же

день мимо их дверей прошмыгнуло как минимум три стайки взрослых и пять стаек детей: все вытягивали шеи, умирая от любопытства, как же теперь выглядит Шэнь Цинжань после того, как стал мужчиной.

Позже Сюэ Фэйфэн воткнул в землю у входа меч. В лучах солнца отблеск его лезвия был виден за версту.

Зевак поубавилось, однако слава Сюэ Фэйфэна и Шэнь Цинжана в деревне росла как на дрожжах. Без тайных перешептываний за спиной не обошлось, и иногда пара-тройка фраз все же долетала до ушей Шэнь Цинжана.

Шэнь Цинжань предложил:

— Может, все-таки скажем, что твоя жена сбежала, а я твой младший деверь, пришел искупать ее вину непосильным трудом?

— Моя жена ни за что бы не сбежала. (Только пусть попробует сбежать!)

Сюэ Фэйфэн посмотрел на Шэнь Цинжана, чеканя каждое слово.

Шэнь Цинжань не уловил скрытого смысла, лишь решив, что Сюэ Фэйфэн в этих вопросах слишком уж печется о своей репутации. Странно: перспективу воспитывать чужого ребенка он стерпел, а вот сбежавшую жену — нет.

Приближался весенний сев, и Шэнь Цинжаню было не до сплетен. Деревня Лицзяцунь располагалась на юге материка, где рис сажали дважды в год, и сейчас как раз настала пора выращивать рассаду.

Выращивание риса было удобно тем, что сначала семена высевали густо в одном месте, а когда рассада достигала высоты икры, ее выдергивали, обрезали кончики листьев, делили на небольшие пучки и высаживали на заливное поле, словно прореживая. Шэнь Цинжань торопился с внедрением, поэтому рассаду нужно было сажать очень густо, в идеале соотношение рассадника к основному полю должно было составлять 1 к 10.

Он мог просто заняться посевом, а остальную работу ему бы не пришлось выполнять самому. С этой точки зрения рис казался особенно «дружелюбной» культурой.

Система: «Супергибридный рис, урожайность тысяча килограммов на му, селекционная цель — тысяча двести килограммов на му. Награда — пять тысяч баллов».

Шэнь Цинжань:

— Хоть я и не уверен, что смогу достичь цели, но рассуди здраво: почему за это дают меньше баллов, чем за остальное?

Разве рыночная цена не десять тысяч?

Одному кустику риса требуется так мало места, если посадить сразу десятки тысяч ростков, вероятность полезной мутации в любом случае будет довольно высокой.

Система: «Потому что в реальном мире мы можем достичь этой селекционной цели быстрее, чем в параллельном».

Механический голос Системы звучал сдержанно, загадочно и так гордо, словно говорил: «Все

присутствующие здесь — просто мусор».

Шэнь Цинжань замер, внезапно вспомнив одного великого ученого, и тотчас же проникся к нему глубочайшим благоговением, понимая, что ему за ним не угнаться и оставалось лишь сгорать от стыда за собственную несостоятельность.

Шэнь Цинжань понизил голос:

— Тогда, если появятся какие-нибудь хорошие новые сорта, не забудь поделиться.

Он и так уже стоял на плечах гигантов. Если бы он смог сделать хотя бы половину от того, что совершил этот ученый... Нет-нет, даже одной десятой доли было бы достаточно, чтобы накормить население Великой Ци, не достигавшее и ста миллионов человек, и помочь им пережить кризис. Тогда эта жизнь была бы прожита не зря.

Вдохновленный Шэнь Цинжань со всей серьезностью заявил Сюэ Фэйфэну:

— Я буду выращивать рис.

Сюэ Фэйфэн перестал колоть дрова. Опять за свое?

— Сначала подлечись, посадишь в следующем году, будь послушным, — не согласился Сюэ Фэйфэн, избирательно запамятовав, что забрал у Му Вэнькоу купчую на тысячу му плодородных земель. — У нас нет полей для посева.

Шэнь Цинжань: «...» Возмутительно, этот человек просто нагло врет прямо в глаза.

Но ведь в прошлый раз Сюэ Фэйфэн подарил эти поля своей «жене». Теперь они больше не супруги, как Шэнь Цинжаню хватило бы наглости просить землю?

Шэнь Цинжань оказался в затруднительном положении: сезон никого не ждет, упустишь момент — придется ждать еще полгода. А ведь уже во второй половине года можно было бы использовать семена от первого урожая, сняв ограничение на личный посев, и тогда скорость распространения росла бы в геометрической прогрессии. Потерять целых полгода — невероятно невыгодно, как ни крути.

Шэнь Цинжань прикусил губу. Раньше он мог просто покапризничать, и, прав он был или нет, Сюэ Фэйфэн всегда уступал. Что же делать сейчас?

Сюэ Фэйфэн жестокосердно проигнорировал умоляющий взгляд Шэнь Цинжана и отвернулся в другую сторону, продолжая колоть дрова.

Шэнь Цинжань обошел Сюэ Фэйфэна, присел перед ним на корточки и уставился на него полными мольбы глазами.

— Но если я не буду заниматься фермерством, зачем же я тогда вернулся? — привел резонный довод Шэнь Цинжань. — С таким же успехом я мог бы пойти и найти какого-нибудь... — помещика-скупердя, чтобы горбатиться на него. И чем скупее помещик, тем лучше. Желательно такого, который даже семян не даст, а заставит выращивать урожай из воздуха.

Кого это он еще собрался искать?!

Сюэ Фэйфэн сжал его губы пальцами и выдавил из груди:

— Я согласен.

Заодно посмотрит, что за зелье варит этот Шэнь Цинжань: занимается фермерством по наитию, но при этом никогда не переживает, откуда взять семена, словно они сами могут упасть с неба.

Нарезать одну картофелину так, чтобы засадить целый му — это, конечно, абсурд, но то, что ростки дружно взошли на двух му земли, было неоспоримым фактом.

Что ж, он подыграет, и посмотрим, сколько еще кузенов найдется у Шэнь Цинжана!

Шэнь Цинжань обрадовался:

— Сможешь уговорить тетушку Чжан позволить мне помочь ей с посевом?

Тетушка Чжан так много для него сделала; она была единственной в деревне, кто относился к нему со строгой заботой, и даже когда он внезапно оказался мужчиной, не изменила своего отношения. Было бы здорово, если бы она тоже смогла использовать семена супергибридного риса — один год урожая сойдет за три.

— Не наглей, — предупредил Сюэ Фэйфэн.

Шэнь Цинжань:

— Я хочу ей помочь.

Сюэ Фэйфэн не поверил:

— С чего вдруг?

Шэнь Цинжань с искренним взглядом ответил:

— Потому что... я наслаждаюсь радостью посева!

Шэнь Цинжань потряс Сюэ Фэйфэна за колено:

— Брат, брат Ли, ну помоги мне.

Сюэ Фэйфэн, не в силах больше сопротивляться его приставаниям, был вынужден согласиться, но сурово прикрикнул:

— Не смей называть меня «братом Ли»!

— Брат Фэн? — склонив голову, осторожно попробовал Шэнь Цинжань.

Сюэ Фэйфэн сжал его подбородок:

— Это тоже запрещено.

Надо называть «мужем».

Генералу, между прочим, тоже хотелось насладиться радостью посева, вот только разве кто-нибудь собирался ему с этим помочь?

<http://bllate.org/book/17933/2029538>